

Людмила ГУРЧЕНКО:

Я вас разочарую — мне нравится Чубайс

Валерий КИЧИН

Известия. Подписной индекс 50050

Мы сидим лицом друг к другу. У каждого телефон. На вопросы читателей «Известий» отвечает народная артистка Людмила Гурченко. А если есть вопросы к газете — редакцию представляю я, Валерий Кичин. На часах одиннадцать без пяти... Оба чувствуем себя как перед выходом в прямой эфир.

ВОПРОСЫ К ЗВЕЗДЕ

— Здравствуйте, Людмила Марковна.

— Да, здравствуйте.

— Извините, что я вас потревожил. Я вас очень люблю, вы — прекрасная актриса и, по-моему, прекрасный человек. Как вы чувствуете себя сейчас? Снимаетесь?

— Нового мало. Наше кино притихло. Хотя скоро выйдет картина Рязанова «Старые клячи» — там много замечательных артистов. Это момент долгожданый — снова быть на экране, а не только на сцене. Спасибо вам за теплые слова. Мне это очень и очень важно.

— Людмила Марковна? Боже мой, даже не верится, что я с вами разговариваю. Вы просто цунами, ураган какой-то, обаятельная женщина, гордость России. У меня для вас есть предложение. Я сама немножко композитор, у меня более сорока песен написано. Очень хочется вам показать. Они как раз для вас.

— Пожалуйста, запишите на пленку и пришлите.

— Людмила Марковна, меня зовут Нина Костина. Сейчас много антреприз; берут несколько актеров, минимум декораций, билеты дорогие. Что это — веяние времени, способ заработать?

— Антреприза — разная. Бывает, когда «два стула, три артиста». Но часто она дает артисту или режиссеру возможность сделать то, что невозможно в государственном театре. Вот сейчас я сыграла то, о чем мечтала всю жизнь, — роль в мюзикле. Он называется «Бюро счастья». Разве такое могло быть раньше? Да, это адова работа. Да, у нас нет людей, которые профи в этом деле. Но это попытка, и я считаю, она удалась. А халтура — она везде бывает.

— У вас такой большой опыт, своя школа. У вас есть ученики?

— Нет. Пришлось бы бросить все и заниматься только этим. К себе на курс я взяла бы человека пять, не больше. Нас во ВГИК поступили 15 человек, окончили 13, снимались в кино трое. Это же очень больно, когда не состоится судьба! Люди спиваются, кончают самоубийством. Я взяла бы людей закаленных, и мы бы им отменили все семейные дела. Потому что как только начинается печь, борщ, дети, распри — тут все и заканчивается. Жестокая профессия — как в балете, как в спорте.

— Здравствуйте, Людмила Марковна. Это же ужас, сколько по телевидению идет фильмов американских! Везде убийства, кровь. А с десяти часов вечера секс в открытую! Мы что, в Америке живем?

— В Америке как раз такого нет. Это наши так зарабатывают деньги. Вы очень большую тему затронули. Когда-то у Марины Влади был роман с Володей Высоцким. Он еще был просто талантливый мальчик с гитарой — и вот в него

влюбляется красивейшая женщина Франции, звезда. Я ее спросила: почему? Ведь столько в Париже красивых мужчин! Да нет, отвечает, в Париже уже нет мужчин! На каждом шагу голые женщины — и у них притупляются все чувства. Вот вам и ответ.

— Так неужели за деньги можно все продать — и добро, и традиции?

— Знаете, я тоже не хочу такой демократии! Я хочу демократии с жестким законом: вор — сидит, насильник — отвечает. Но если уж Дарья Асламова рвется в Думу, нам до демократии еще далеко.

— Добрый день, меня зовут Елена Ивановна. Как вы относитесь к тому, что днем по кабельным каналам идут эротические фильмы? А на улицах интим-салоны, продается порнография. Мы наших детей просто калечим.

— Когда я впервые приехала в Нью-Йорк, то была поражена: среди роскоши на тротуаре лежит бомж — но какой?! Таких пока у нас на улицах нет. У него в волосах шевелились какие-то черви! И мне объяснили: а ему нравится так жить. Знаете, я бы не хотела, чтоб нам тоже понравилось так жить.

— Добрый день, Людмила Марковна! Я Нина Ивановна, ваша старая поклонница. И хочу спросить: кого вы поддерживали?

— На выборах? Никого. Я не голосовала.

— Зря, Людмила Марковна. А кого могли бы поддержать?

— Пожалуй, или «Единство», или правых.

— Как я в вас разочарована!

— Ну что же делать! КИРФ я бы не поддержала, коммунисты меня уничтожали.

— Неправда. Вы у нас были звездой. И все время звенели...

— Когда? Я после «Карнавалной ночи» и до «Старых стен» не звенела. Пятнадцать лет не снималась!

— Это зависит от вашей там режиссуры и...

— Какая режиссура? Миленка! Вы очень мало об этом знаете. Так что, я считаю, Путин очень достойный человек.

— А я даже по лицу вижу — иезуит.

— Ну вот. А меня при виде Зюганова в дрожь бросает. Я вас, наверное, вообще разочарую: мне нравится Чубайс.

— Ой, ой! Все-таки вы не нашего склада. Будьте здоровы.

— Вас беспокоят из Зеленограда. Людмила Марковна, у вас есть друзья?

— Настоящие друзья — те, которые знали меня в детстве. Когда мы были все равны, мечтали, получали двойки... Одна моя подруга теперь в Чикаго. Долго не решалась уехать, но они с дочкой здесь получали 80 рублей — как можно жить на это? Теперь к ней езжу и она ко мне приезжает. Это такой друг, когда достаточно набрать номер: мне плохо — она бросит все и поможет.

— А кто вам шил новогоднее платье?

— Его мне любезно предложил Валя Юдашкин. Очень талантливый человек.

— Люсенка!

— Неужели это тот самый Скороходов Глеб Анатольевич? Автор замечательной книги о Раневской! Я прочла не отрываясь.

— Люсенка, спасибо. А я тут открыл «Известия», думаю, может, позвонить только с одной це-

Фото ИТАР-ТАСС

люю — сказать, как я люблю вас, ваше творчество и ваши книги.

— Не говорите «творчество», давайте говорить: работу. А то — спела полторы песни и сразу: «Нам, актерам, так трудно жить!».

— Мы все иронизируем, а если всерьез...

— Не иронизируем — стесняемся. Потому что сказать, что любишь родину, уже неудобно. А задницу показать со сцены удобно.

— Людмила Марковна? Меня зовут Андрей Юльевич. Кому вы больше доверяли — себе или друзьям?

— Я почти не снималась у одного и того же режиссера. Работала со многими, разными, и надо было иметь что-то свое, чтобы тебя не согнули. Взять все лучшее, соединить со своим сердцем и привнести на экран нечто третье. Самое трудное было сломать первое представление о себе. После «Карнавалной ночи» меня никто не воспринимал в драматических ролях — только пойте, товарищ Гурченко!

— Скажите, а стоит ли в жизни быть артистом?

— Знаете, это такой вопрос, который не стоит задавать. Артист — он всегда артист. Он таким родился. Актера в торговлю — а он артист, его в инженеры — а он артист, его в медицину — а он артист. И артист в нем вылезет всегда. Всегда это лицедейство будет сидеть в нем, оно будет мучить его, и он все равно пойдет в артисты.

— Людмила Марковна, я считаю вас эталоном женщины и артистки. Понимаете, вы для нас генератор.

— Это сильно. Постараюсь и дальше генерировать.

— Вы тот человек, который нам не дает киснуть, сохнуть.

— Я буду как можно дольше не давать вам киснуть.

— Людмила Марковна, я временно остался без работы, может, хотя бы в кино водителем устройсь?

— Но сейчас же кино никакого нет. И водителей много, а кино нет.

— Людмила Марковна, у меня есть подозрение, что вы способны к дружбе.

— Знаете, я из тех скорпионов, кто предан до самого конца.

— Вы очень сильная личность — как это у вас получается?

— Трудно. На ложь и предательство стараюсь не обращать внимания, потому что это мешает работе. Когда-то взывала к спра-

ведливости, потом поняла — бессмысленно.

— Но как все это стереть из памяти?

— Мы с Никулиным снимались в фильме «Двадцать лет без войны». Мне было очень плохо, я побежала к нему: папа, ну как жить? Он слушал меня, слушал, вбирал мою боль, а потом сказал: «Время, время, только время». И я подумала: он все понимает, значит, и я все перетерплю. Время прошло. Теперь взираю на ту боль с усмешкой.

— Как вы обратились к Никулину, так я обращаюсь к вам.

— Да я понимаю. И тоже скажу: время.

477